

«ИСКУССТВО ВОЙНЫ» С ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМИ АНОМАЛИЯМИ: ОБЗОР ОСНОВНЫХ МЕТОДОВ¹

Д. П. Фролов, А. В. Лаврентьева

Статья посвящена обзору и систематизации основных методов противодействия и регулирования институциональных аномалий — неэффективного состояния институтов и субоптимальных форм институциональных структур. На основе компаративно-дескриптивного анализа «антианомальные» методы классифицированы по критериям характера, направленности, содержания, объектов, субъектов, ключевого фактора, стадии институционализации, способа реализации и измерения регулятивных воздействий. Наибольшей перспективностью характеризуются модусные методы, включающие подходы к управляемому изменению способов использования институтов в практике хозяйствования с целью снижения потенциала оппортунизма и девиаций агентов (электронификация взаимодействий с государственными структурами, внедрение принципа «одного окна» и заявительного порядка регистрации и др.); когнитивные методы, охватывающие регулятивные воздействия на аномальные представления (репрезентации), убеждения и модели принятия решений агентами («правила по умолчанию», введение «периодов охлаждения», высокие требования к раскрытию информации, повышение уровня «дружелюбности интерфейса» нормативных институтов); превентивные методы, направленные на снижение рисков возникновения институциональных аномалий на начальной стадии проектирования институтов за счет обеспечения этапной, компонентной и ресурсной полноты проекта. Обсуждается ограниченность изолированного использования отдельных методов противодействия институциональным аномалиям и необходимость их комбинирования в практике регулирования экономических институтов.

Ключевые слова: институты; институциональные аномалии; антианомальные методы; дисфункции; девиации; коррупция

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ и Администрации Волгоградской области, проект № 15–12–34012 а(р).

Институциональные аномалии — разнообразные формы отклонения институтов от их нормального функционирования, ведущие к снижению их эффективности и продуцирующие негативные внешние эффекты. Результатом институционализации являются не только нормы, но и аномалии (в том числе их крайние формы — патологии), принимающие характер типичных моделей экономических взаимодействий, регулярностей поведения и паттернов мышления агентов. Их общая классификация, сформированная на основе анализа широкого массива работ, посвященных негативным аспектам институционализации, представлена в таблице. Как и институты, институциональные аномалии возникают в ходе согласованных или несогласованных действий агентов и их групп. Поскольку девиантные действия и модели поведения могут носить негативный и позитивный характер, целесообразно разграничивать деструктивные и конструктивные аномалии институтов. Однако предметом данной работы являются исключительно деструктивные институциональные аномалии.

Перманентное усложнение системы хозяйства, рост разнообразия ее элементов и связей между ними, возникновение новых профессий и отраслей, видов бизнеса и моделей организации, технологий и технологических

укладов ведут к снижению адекватности действующих институтов. Результатом становятся объективно возникающие аномалии, в том числе дисфункции институтов, «разрывы» и «пробелы» в правовой среде, деформации институциональной структуры и т. д. Но, кроме того, само по себе усложнение экономической системы ведет к возникновению новых субъектов коллективного действия — организаций, ассоциаций, коалиций, групп влияния и т. д., которые, конкурируя и кооперируясь, ведут борьбу за формирование институтов, в наибольшей степени соответствующих их экономическим интересам. Как следствие, возникают субъектные формы институциональных аномалий, инициированные определенными группами хозяйствующих субъектов («захват» институтов, их «подчинение», нецелевое использование и т. д.). При этом усложнение хозяйственной системы мешает проектированию высокоэффективных институтов, поскольку законодатель в принципе не может учесть все разнообразие форм экономических отношений даже в отдельной сфере регулирования, равно как и множественность соответствующих им моделей поведения, в том числе оппортунизма и т. д. В результате возникают нечеткие институты и осуществляются некомплексные институциональные реформы.

Рис. Классификация антианомальных методов

Классификация институциональных аномалий

Классификационный признак	Виды и примеры институциональных аномалий
1. Происхождение (генезис)	1.1. Унаследованные: <i>path dependence</i> (в том числе <i>lock-in</i>) 1.2. Приобретенные, в том числе: 1.2.1. Трансплантационные (атрофия и перерождение институтов, отторжение институтов, институциональный конфликт) 1.2.2. Эволюционные (институциональные «травмы», «склероз»)
2. Субъектность	2.1. Стихийные («провалы» рынка, мутации институтов, негативные институциональные экстерналии, деформализация институтов) 2.2. Управляемые («провалы» государства; захват институтов; негативная конвергенция институтов; институциональный паразитизм; нецелевое использование институтов, в том числе манипулирование институтами, маскировка институтами, «подчинение» институтов)
3. Объектность	3.1. Функциональные (устойчиво неэффективные и теневые институции, в том числе формы оппортунизма) 3.2. Структурные (устойчиво неэффективные и теневые модели организации) 3.3. Нормативные (нечеткие, деформализованные правила; деструктивные неформальные нормы) 3.4. Ментальные (негативные стереотипы, деструктивные ценности, модели иррационального принятия решений) 3.5. Межинституциональные (институциональные «разрывы», «ямы», «обвалы», «петли»)
4. Уровень (ранг)	4.1. Мега- (глобальные институциональные «ловушки», дисфункции международных институтов) 4.2. Макро- (дисфункции и патологии институтов экономики страны) 4.3. Мезо- (дисфункции и патологии институтов региональной и локальной экономики) 4.4. Микро- (организационные патологии и девиации) 4.5. Нано- (дисфункциональные паттерны мышления и поведения, оппортунизм агентов)
5. Масштаб	5.1. Дисфункции, в том числе: 5.1.1. Элементные (дефекты, искажения, несовершенства, нечеткость институтов) 5.1.2. Системные (институциональные «провалы», фиаско, деформации, институты-гибриды) 5.2. Патологии (институты-инвалиды, институты-мутанты, антиинституты, коллапс институтов)
6. Плотность	6.1. Институциональный «вакуум», аномия 6.2. Институциональные «пустоты», «разломы», «дыры», гетерономия
7. Устойчивость	7.1. Институциональная «хрупкость» 7.2. Институциональные «ловушки»
8. Механизм институтогенеза	8.1. «Трансплантационные» аномалии 8.2. Модификационные аномалии 8.3. Трансформационные аномалии 8.4. Модернизационные аномалии 8.5. Реставрационные аномалии 8.6. Культивационные аномалии
9. Динамика развития	9.1. Агенезия (отсутствие развития) институтов 9.2. Задержка в развитии институтов 9.3. Гипогенезия (недостаточное развитие) институтов 9.4. Гипергенезия (избыточное развитие) институтов
10. Характер влияния	10.1. Деструктивные аномалии 10.2. Конструктивные аномалии

Противодействие институциональным аномалиям представляет собой сложнейшую социально-экономическую задачу, решение которой не имеет универсальных «рецептов», а, напротив, требует учета специфики экономики и институциональной среды конкретной страны и ее регионов. Тем не менее, представляется возможной разработка общей методической рамки как своего рода шаблона для выработки конкретных регулятивных решений (рис.). Подчеркнем, что термин «противодействие» не предполагает негативной коннотации.

Рассмотрим более детально основные группы методов противодействия институциональным аномалиям.

Градуалистские методы связаны с осуществлением комплекса последовательных, поступательных, инкрементных изменений аномальных институтов. Наиболее адекватна принципу градуализма стратегия создания промежуточных институтов, формирующих институциональную траекторию движения к целевому состоянию. При этом существенную роль играет метод вытеснения институтов: он предполагает введение нового института наряду со старым, т. е. сохраняя его альтернативный вариант; манипулирование параметрами нового института (создание дополнительных преимуществ его агентам) ведет к постепенному вытеснению им своего аналога в процессе конкуренции за агентов [21, с. 136]. Существуют многочисленные примеры в пользу применения градуалистских методов институциональных изменений, как в развитых, так и в развивающихся странах.

Вместе с тем, следует отметить их общую негативную черту — в силу действия инерции промежуточные институты имеют тенденцию закрепляться в неформальных нормах и моделях поведения агентов, что делает их устойчивыми к попыткам дальнейших изменений и затрудняет внедрение следующих промежуточных элементов институциональной траектории. Более того, ключевую роль играет выбор «шага» изменений (реформ): чрезмерное «дробление» траектории ведет к повышению издержек внедрения новых промежуточных институтов, поскольку агенты должны постоянно адаптироваться к новым правилам и моделям действий. Постоянные, но незначительные институциональные изменения, даже в русле движения к более эффективному состоянию, могут стать генератором хаоса в экономической системе. Наглядным примером являются реформы в сфере образования, особенно затянувшийся процесс регулярного перехода на

новые поколения (и даже их версии) образовательных стандартов, значительно повысивший уровень трансакционных издержек и снизивший эффективность осуществления образовательными учреждениями и педагогами своих базовых функций.

Шоковые методы предполагают реализацию радикальных действий в отношении сложившихся институциональных аномалий. Несмотря на в целом критичное отношение ученых к «шоковой терапии», особенно с учетом негативного опыта либерально-рыночных реформ в России, следует признать, что данный метод имеет и положительные примеры. В частности, речь идет об антикоррупционной реформе в Грузии, основанной на принципе «нулевой толерантности» к коррупции. Так, летом 2004 г. была проведена резкая реформа одного из самых коррумпированных ведомств — дорожной милиции: она была переименована в патрульную полицию, в течение суток подверглись увольнению 16 тыс. сотрудников, после жесткой переаттестации кадров набор полицейских стал базироваться на принципах конкурентности и прозрачности, количество граждан в расчете на 1 сотрудника полиции выросло с 21 до 89, полиция перенесла акцент своей деятельности на местный уровень (общины) [6, с. 7–8]. Аналогичные «шоковые» реформы были проведены в сферах ЖКХ, образования, государственного и муниципального управления. В результате в 2010 г. Грузия заняла 1-е место в мире (в рейтинге Индекса восприятия коррупции Transparency International) по показателю темпов снижения уровня коррупции и 2-е место по оценке населением эффективности антикоррупционных мер. В 2014 г. Грузия поделила 50–52-е места в общем рейтинге (для сравнения: Россия получила 136-е место) [36]. Наиболее значимыми факторами «шоковых» методов борьбы с аномальными институтами являются: наличие сильной политической воли, внезапность и широкий фронт (масштаб) реформ, привлечение новых кадров и четкая координация, установление доверия общества на начальном этапе реформ и его укрепление посредством открытых коммуникаций [6, с. 10–11].

Метод формализации отражает управляемый перевод в формально-правовую форму (легализацию) спонтанно сложившихся неформальных и аномальных институтов. Например, производство и реализация порнографической продукции легализованы в Бразилии и Турции; выращивание, купля-продажа и потребление марихуаны полностью легализо-

ваны в Уругвае и США (штаты Колорадо), частично — в Испании, Канаде, Нидерландах, Португалии, Чехии, США (штаты, Аляска, Вашингтон, Орегон) и др.; проституция легализована в Германии, Нидерландах и Турции, частично — в Австралии, Венгрии, Италии, Новой Зеландии, Швейцарии и др. В подавляющем большинстве стран мира (в том числе исламских государствах) в настоящее время отсутствует практика полного или частичного запрета оборота алкогольной продукции. Около 20 стран мира легализовали однополые браки. Это примеры формализации социальных институтов. К экономическим институтам, безусловно нуждающимся в легализации в России, относится лоббизм. По мнению Г. Горланова, «в своем внеинституциональном теневом проявлении лоббизм органически связан с административной и деловой коррупцией, патернализмом и клиентелизмом» [7, с. 41]. Уточним, что теневой лоббизм не внеинституционален, а точнее, экстинституционален, поскольку представляет собой институциональную аномалию. Ее последовательная формализация в РФ предполагается уже в среднесрочной перспективе согласно Национальному плану противодействия коррупции¹. Как правило, инициаторами легализации тех или иных аномальных институтов выступают их бенефициары (выгодоприобретатели), поэтому легализация лоббизма имеет важное значение для формализации разнообразных продуктов спонтанных институциональных изменений.

Метод деформализации связан с управляемой (контролируемой) трансформацией спроектированных и внедренных институтов в направлении преобладания в их структуре неформальных компонентов с целью минимизации рисков их аномального развития.

По мнению Е. Ясина, главной проблемой проектирования институтов является проблема преобразования образующих его формальную модель законодательных норм и процедур в неформальные правила и практики действий агентов [30, с. 97]. Традиционно экономисты акцентируют негативную роль деформализации, выводящую регулируемые формальными правилами экономические отношения в «черную» и «серую» зоны теневой активности [22; 23]. Однако все чаще отмечается, что «сама власть, не вписываясь в законодательные рамки, часто вынуждена прибегать

к обходным маневрам в интересах выполнения своих публичных функций» [17, с. 30], выдвигая дополнительные неформальные требования, становящиеся нормами и выступающие основой имплицитных (неявных) соглашений между властью и другими субъектами, в частности, бизнесом, которые, в свою очередь, укореняются в форме институтов «серой» зоны. Как отмечают М. Курбатова и С. Левин, необходим позитивный подход к пониманию деформализации как процесса объективно вынужденного формирования неформально легитимизируемых социальных норм [17, с. 32].

Позитивный характер деформализации аномальных институтов можно продемонстрировать на примере социального партнерства, которое часто используется для своеобразной институциональной «маскировки» принуждения бизнеса к финансированию социальных проектов в регионах своего базирования. Но наряду с социальным партнерством все большее развитие получает институт корпоративной социальной ответственности, который по своему функционалу (набору функций) шире, чем социальное партнерство. В результате «существование неформального по своему генезису и получившего в настоящее время формализованный характер института социально ответственного поведения бизнеса способствует частичной деформализации института социального партнерства» [13, с. 158], способствуя его деаномализации.

Функциональные методы — это способы рекомбинации функций аномальных институтов с целью повышения эффективности их выполнения. Рекомбинация (перегруппировка) функций, или рефункционализация институтов [27] включает устранение избыточных (неэффективно реализуемых) функций, их аутсорсинг (передачу на внешнее исполнение), делегирование (передачу другим институтам), вменение новых или изменение содержания имеющихся функций и др. Например, очевидные дисфункции системы госзакупок в рамках Федерального закона от 21.07.2005 г. № 94 «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» были связаны с ограничением конкуренции и низкой открытостью. На их устранение было направлено введение Федеральной контрактной системы (ФЗ № 44 от 05.04.2013 г. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»). Ключевые функциональные изменения процесса организации и осущест-

¹ Национальный план противодействия коррупции на 2014–2015 годы (утв. Указом Президента РФ от 11.04.2014 г. № 226 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102348935>.

вления госзакупок, обеспечиваемые данным институтом, связаны с функциями сокращения информационной асимметрии участников рынка (усиление требований к раскрытию информации, создание реестра банковских гарантий, экспертиза осуществления контрактов, применение электронных процедур, в частности, электронных аукционов и др.) и повышения уровня контроля (внедрение института общественных контролеров и практики общественного обсуждения госзакупок).

Экспертный анализ эффективности различных институтов экономики также в основном акцентирует наличие дисфункций и необходимости их преодоления. Например, институт бюджетной конструкции как функционально-структурной модели бюджетного процесса характеризуется противоречивостью и неэффективностью выполнения функций разработки и контроля федерального бюджета: в частности, фрагментарно осуществляется функция аудита эффективности бюджетных расходов, неэффективно реализуется функция обеспечения межведомственного взаимодействия при согласовании параметров бюджета (не учитываются стратегические документы Банка России, бюджеты социальных фондов и др.)¹ [33, с. 169]. Именно эти дисфункции являются объектами функциональных изменений бюджетной конструкции.

Объективная ограниченность функциональных методов регулирования институциональных аномалий на практике «преломляет» аналитические дефекты функционального подхода к изучению институтов. Она связана с проблематичностью четкого определения функций институтов, поскольку эти функции определяются способом использования институтов, а такие способы могут быть различными у разных категорий (типов) и групп агентов. При этом важно различать функции, заложенные в определенные институты при их проектировании, и реальные функции этих институтов. Например, возникновение институциональных аномалий в сфере высшего образования России связано, прежде всего, с переплетением номинальных функций образовательных институтов (передача знаний, формирование компетенций и т. д.) с их реальными функциями для значительной части агентов (рентоориентированное поведение в форме взяточничества, гарантированное получение

диплома и т. д.). Причем зачастую эти функции пересекаются: в частности, количество ставок профессорско-преподавательского состава существенно зависит от количества студентов, обучающихся на договорной основе, поэтому их отчисление фактически блокируется, что позволяет им получить диплом с минимальной вовлеченностью в учебный процесс [3; 4]. Еще более затруднительной задачей является определение функций сложных систем институтов [40].

Модусные методы (от англ. *mode* — способ) включают подходы к управляемому изменению способов использования институтов в практике хозяйствования с целью снижения потенциала оппортунизма и девиаций агентов.

По мнению Д. Норта, «институциональные изменения могут стать результатом изменений в формальных правилах, неформальных нормах или же их выполнении» [18, с. 21], что определяет необходимость учета способов (в том числе практик, рутин, схем и т. д.) осуществления регулируемых институтами трансакций и моделей (регулярностей) поведения агентов. Примерами применения модусных методов антианомального регулирования являются электронификация различных взаимодействий граждан с государственными структурами и внедрение принципа «одного окна», а также заявительный порядок регистрации юридических лиц. При этом и субъекты отношений, и регулирующие их институты существенно остаются неизменными (за исключением введения отдельных норм, уточняющих новые способы взаимодействия), меняются же способы их осуществления. В результате резко сокращается потенциал возникновения аномальных форм институционализации (в частности, коррупции) в области взаимодействий с государством. Еще одним важным направлением использования модусных методов является совершенствование институциональных механизмов и практик правоприменения. Как отмечает А. Яковлев, в целом «российское корпоративное законодательство достаточно развито, но оно не применяется на практике или применяется плохо» [29, с. 222], в связи с чем требуется активизация выполнения требований действующих правовых институтов, в частности, обеспечение защиты прав миноритарных акционеров, раскрытие информации о деятельности компаний и др. формы администрирования уже существующих правил.

Для иллюстрации важности способов использования институтов Л. Причетт использует аналогию с игрой в теннис. С точки зре-

¹ Экспертное заключение по проекту федерального бюджета и прогноз социально-экономического развития РФ на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов / Институт экономики РАН. — М., 2012. — 186 с.

ния биомеханики все удачные подачи навывлет (эйсы) очень похожи и могут быть легко разложены на простые движения. Однако это не означает, что отличное знание техники подачи автоматически даст хороший практический результат. Для этого необходима огромная, неимоверно трудная практика, поэтому профессиональные игроки подолгу и помногу тренируются [38, р. 27]. И изменение техники выполнения удара в целом или отдельного его элемента требует значительного объема «шлифовочной» работы. Также и индуцированные государством или отдельными регуляторами изменения в способах использования институтов часто требуют значительных затрат на адаптацию агентов, прежде всего, на их переучивание, например, обучение людей пожилого возраста использованию технологий электронного правительства.

Структурные методы предполагают изменение различных параметров структуры (реструктуризацию) аномальных институтов для повышения степени ее адекватности выполняемым функциям.

Институты структурного типа наиболее часто становятся объектами реструктуризации по мере накопления дисфункциональных проявлений. Так, в условиях посткризисной рецессии требуется пересмотр функций и структур действующих в РФ институтов развития. В частности, предлагается создать при этих институтах подразделения с экспертными, бенчмаркингowymi, внедренческими, маркетинговыми и др. функциями, а также усилить их связи с научными, аналитическими и проектными организациями [15, с. 204]. Другой пример применения структуралистского подхода — реформа Российской академии наук (РАН), связанная с разделением функций управления имуществом и проведения НИОКР между Федеральным агентством научных организаций и РАН. Ключевым моментом реформы является реорганизация системы академических институтов, связанная с их объединением в новые структуры — национальные исследовательские институты, федеральные (национальные) исследовательские центры, федеральные и региональные научные центры, высшие школы общественного (гуманитарного) знания и центры единой научной инфраструктуры¹. Аналогично, в ходе реформы институциональной структуры высшего образования были применены струк-

турные методы: во-первых, была осуществлена иерархизация образовательных организаций, т. е. создание их иерархической структуры (федеральные университеты, национальные исследовательские университеты, опорные вузы региональных экономических систем); во-вторых, были произведены объединения вузов близкого профиля специализации. Однако, как показывает практический опыт, в результате структурных изменений возникли новые дисфункции: в частности, задача повышения публикационной активности сотрудников ведущих вузов в ключевых базах научного цитирования ведет к развитию черного рынка платных публикаций в журналах Scopus и Web of Science. В целом же подчеркнем, что эффективность структурных методов устранения институциональных аномалий главным образом связана с оптимальностью их взаимосвязи с функциональными методами (иначе говоря, изменения структуры институтов должны быть подчинены реализации их функций) и аналитической проработанностью структурных реформ, последствия которых зачастую имеют необратимый характер.

Нормативные методы связаны с изменениями параметров нормативно-правовой среды хозяйственной деятельности. Нечеткие формальные правила являются мощным источником институциональных противоречий и аномалий в экономике. Одним из ключевых нормативных методов является проведение антикоррупционной экспертизы законопроектов. В России регламентация такого рода экспертизы закреплена Федеральным законом № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17.07.2009 г. и Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (Постановление Правительства РФ № 96 от 26.02.2010 г.). Сотрудниками Центра «Трансперенси Интернешнл — Р» (российское отделение) обоснованы направления совершенствования официальной методики антикоррупционной экспертизы, связанные с включением в состав коррупциогенных факторов юридико-лингвистической неопределенности (нечеткости формулировок закона), конфликта интересов, широты дискреционных полномочий, отсутствия административных процедур, определения компетенции по формуле «вправе» [1]. Эти изменения позволят повысить эффективность применения нормативных методов в отношении институциональных аномалий.

¹ Проект плана реструктуризации научных организаций [Электронный ресурс]. URL: <http://fano.crowdexpert.ru/structurisation>.

Особое значение имеет, на наш взгляд, анализ уровня «дружелюбности интерфейса» институтов нормативного типа. Как показывают результаты глобального исследования, «дружелюбное» (простое, понятное, доступное и непротиворечивое) национальное законодательство является ключевым драйвером развития и повышения эффективности экономики [42, р. 39–40]. Поэтому Г. Греф предлагает в своей диссертации дополнить проверку законопроектов и мониторинг действующего законодательства на предмет коррупциогенности анализом ясности, четкости, прозрачности и потенциала произвольного толкования законов [8, с. 16–17]. Избыточная сложность многих законов является барьером их адекватной реализации: например, по мнению исследователей Института экономики РАН, чрезмерная объемность и сложность закона о федеральной контрактной системе может стать тормозящим фактором повышения эффективности государственных закупок, что предполагает необходимость применения дифференцированного нормативного подхода, связанного с максимальным упрощением госзакупок малых и средних объемов [16, с. 44]. В свою очередь, Специальный комитет по государственному управлению Палаты общин Великобритании посвятил отдельный доклад перспективам упрощения административного языка в целом. По мнению экспертов, запутанный и громоздкий язык, на котором излагаются официальные документы, письма и т. д., делает контакты с бюрократическим аппаратом гораздо более сложными, повышая уровень транзакционных издержек для граждан. Департаменты и агентства должны быть более реалистичными относительно способностей людей прочесть и понять смысл адресуемых им официальных сообщений, написанных на административном языке [33, р. 11–12]. Повышение «дружелюбности» законов и любых официальных документов для потребителей государственных услуг является базисом превентивной политики в отношении аномальных институтов.

Когнитивные методы охватывают регулятивные воздействия на аномальные представления (репрезентации), убеждения и модели принятия решений агентами, становящиеся основой иррациональных и деструктивных моделей поведения.

Как указывает Д. Норт, «системы убеждений включают в себя внутреннюю репрезентацию социального ландшафта... системы убеждений являются внутренними репрезентациями, а институты — внешними проявлениями этих

репрезентаций» [18, с. 80]. Таким образом, институциональная структура экономики в значительной степени выступает воплощением тех представлений и убеждений, которые являются преобладающими в данном обществе в данный период времени. Противодействие институциональным аномалиям посредством когнитивных методов включает использование обсуждения и убеждения в целях выработки коллективных ментальных моделей, применение маркетинговых технологий продвижения социальных норм и представлений [28, с. 30–31]. Перспективным является использование подходов поведенческой экономики, в частности такого инструмента, как «правила по умолчанию» (*default rules*) для снижения рисков иррационального поведения агентов на предконтрактной стадии. Показательным примером является использование в США практики автоматического подключения работников к накопительным пенсионным планам компаний, когда определенная часть их заработной платы «по умолчанию» отчисляется на сберегательный счет; при этом работники имеют право подать заявление об отказе от такой системы. Как показал опыт применения данной практики, в среднем охват работников пенсионными планами увеличился в 2–3 раза [12, с. 26–27]. Кроме того, для предотвращения иррационального поведения можно применять такие инструменты, как обязательные правила и прямые запреты (ношение касок и спецодежды, курение и употребление наркотиков и др.), «налоги на грехи» (алкоголь, табак, азартные игры, нездоровая пища и т. д.), введение «периодов охлаждения», т. е. временных рамок, в течение которых возможно изменить принятое решение (регистрация браков и разводов, покупка дорогостоящих товаров, пожертвования на благотворительность и др.), высокие требования к раскрытию информации (потребительские кредиты, лотереи, табачные и алкогольные изделия и т. п.) [12, с. 37–40].

Выделяемые по критерию содержания изменений *рестриктивные методы* предполагают создание дополнительных ограничений аномальным (иррациональным и оппортунистическим) видам и моделям действий агентов. *Конструктивные методы* направлены на расширение возможностей действий агентов в новых, недостаточно институционализированных сферах экономических отношений. Данные группы методов нацелены, соответственно, на деструктивные и конструктивные девиации, а по содержанию пересекаются с вы-

деленными выше методами противодействия аномальным моделям поведения агентов.

По способу измерения результатов изменений можно выделить две группы методов регулирования институциональных аномалий — *измеряемые* (или *индикативные*, т. е. базирующиеся на индикаторах) и *неизмеряемые*, которые связаны с качественными изменениями отдельных институтов или в целом институциональной системы, результаты которых затруднительно измерить.

Индикативные методы включают комплекс мер, направленных на улучшение количественных показателей качества институциональной среды, косвенно характеризующих преодоление институциональных аномалий. Все индикативные методы можно разделить на две подгруппы — объективные и субъективные методы.

Объективные методы связаны с повышением позиций страны в международных рейтингах качества экономических институтов. В частности, в майских указах Президента РФ В. Путина была зафиксирована задача значительного продвижения в рейтинге Doing Business, формируемом Всемирным банком на основе анализа условий предпринимательской деятельности в 189 странах мира (объектами анализа являются города — деловые центры стран, в случае РФ — Москва). Ориентирами выступают достижение Россией 50-го места к 2015 г. и 20-го места к 2018 г.¹ Уже в 2013 г. РФ поднялась в рейтинге со 112-го на 92-е место, а в 2014 г. — на 62-е место (по новой методике расчета рейтинга, согласно которой в 2013 г. Россия занимала бы 64-е место). Решающий вклад в прорыв 2013 г. внесло упрощение порядка подключения хозяйствующих субъектов к энергетическим сетям. Однако по мере повышения позиций страны в рейтинге конкуренция с другими странами возрастает и темпы продвижения в иерархии замедляются, несмотря даже на серьезные продвижения в повышении качества институтов ведения бизнеса. Как констатируют эксперты, «темпы упрощения требований к предпринимателям и снижения административных барьеров в Российской Федерации являются недостаточными для получения в ближайшие годы высокого места в рейтинге Всемирного банка и развития конкуренции на рынках товаров и услуг» [10, с. 76]. Подчеркнем, что активное использование объ-

ективных методов имеет целый ряд ограничений. Во-первых, у разных институциональных рейтингов разные целевые аудитории (адресаты институтов): например, International Country Risk Guide Index адресован международным инвесторам, Doing Business — предпринимателям, World Institutional Quality Ranking — руководству стран; поэтому ориентация на определенные рейтинги может привести к некомплексному институциональному развитию. Во-вторых, все рейтинги имеют субъективную составляющую, неизбежно содержат ошибки и часто принимают за результаты институциональных изменений следствия экономической политики в целом. В-третьих, любая страна характеризуется более или менее неоднородной институциональной средой, однако рейтинги нивелируют межрегиональные различия, в частности, инвестиционного «климата» и условий ведения бизнеса.

Субъективные методы предполагают ориентацию на субъективные индикаторы институционального развития, которые дополняют объективные данные и отражают восприятие населением результатов противодействия институциональным аномалиям и повышения эффективности институтов.

В Докладе о человеческом развитии 2013 г. подчеркивается значение субъективных индикаторов благосостояния и качества жизни для измерения результатов экономической политики [11, с. 28]. Субъективные оценки населением качества институтов и механизмов образования, здравоохранения, социального обеспечения, предоставления государственных услуг и др. дают регуляторам возможность составить более полное представление о политике в области институционального развития. Основными инструментами для получения субъективных данных являются социологические опросы, в том числе анкеты. Следует учитывать, что субъективные индикаторы ненадежны для международных (межкультурных) сравнений и должны с большой осторожностью использоваться при сопоставлении данных, полученных в разные периоды времени. Вместе с тем, субъективные оценки аномальных проявлений институционализации крайне важны для оценки результатов институциональных реформ, однако целесообразно избегать использования интегральных индикаторов и стремиться к применению наборов показателей для различных групп населения (потребителей разных институтов).

Технологические методы предполагают применение новых технологий в целях сокраще-

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» [Электронный ресурс]. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1610833>.

ния персональных контактов субъектов в сферах потенциальной коррупциогенности, повышения эффективности контроля и др.

В качестве примеров можно привести: использование видеочамер в сфере дорожного движения, автоматически фиксирующих нарушения и сводящих до нуля возможности взятничества инспекторов; электронную подачу и получение различных документов (налоговых деклараций, документов на регистрацию бизнеса, обращений в арбитражный суд, выписок и заключений, паспортов, лицензий и т. д.), электронную оплату госуслуг и штрафов; проведение электронных аукционов в сфере госзакупок и др.

Институциональные методы включают широкий спектр типовых подходов, связанных с изменением правил и порядка осуществления экономических функций различными группами хозяйствующих субъектов.

К универсальным институциональным методам относятся утверждение правил, нормирование, стандартизация, регламентация, сертификация, лицензирование, аккредитация, аттестация, легализация, комплементация, администрирование правил, санкционирование, дисквалификация, правоприменение, спецификация прав, изменение полномочий и сфер компетенции и ответственности и др. В различных комбинациях они могут быть применены и в целях регулирования институциональных аномалий. При этом следует учитывать, что часто аномалии становятся следствием применения данной группы методов, поэтому их использование необходимо сочетать с другими факторными методами.

Организационные методы включают структурные методы, а также методы формирования лояльной социальной базы, т. е. сил поддержки антианомальных изменений (стейкхолдеров реформ).

Наиболее четко суть данной группы методов выражена В. Радаевым: «Для успешного утверждения новых правил их введение должно опираться на интересы ведущих участников рынка» [22, с. 361]; это касается как формирования новых, так и изменения сложившихся, в том числе аномальных, институтов, которые всегда выражают интересы различных категорий стейкхолдеров. Так, в сфере здравоохранения значительные «силы противодействия порождены половинчатостью, незавершенностью реформ, начатых в начале 1990-х гг., когда была создана институциональная ловушка» [30, с. 100], для выхода из которой требуются консолидация и

расширение сил поддержки. В свою очередь, выбор направлений институциональных изменений «складывается в результате борьбы различных отраслевых, региональных и политических лоббистов» [20, с. 143], выражающих интересы наиболее мощных стейкхолдеров. В частности, противоречивость реформ в сфере высшего образования и науки, в которой, безусловно, сложились многочисленные институциональные аномалии, в значительной степени формировалась в контексте конфликта интересов Минобрнауки РФ и Российской академии наук: именно радикальная реформа РАН в 2013 г., ставшая апофеозом успеха министерства в этом двадцатилетнем противостоянии и отодвинувшая академию в жестко заданную функциональную нишу, позволила активизировать внедрение университетской модели науки [2, с. 120]. Конфликт ведомственных интересов Минфина, Минэкономразвития и Федеральной антимонопольной службы рассматривается исследователями как импульс аномализации института федеральной контрактной системы [16, с. 45].

Традиционное направление институциональной теории коллективных действий, восходящее к работам М. Олсона [19, с. 165], предполагает, что неэффективные институты могут оставаться стабильными в течение длительных периодов времени, поскольку группы, заинтересованные в институциональных изменениях, не организованы и не могут сплотиться для интеграции своих ресурсов влияния. Однако проблема организации коллективных действий в отношении институтов является далеко не единственным объяснением их устойчивой неэффективности и аномализации. В своих работах Д. Асемоглу и Дж. Робинсон показали, что правящие элиты (или, упрощенно, государство) обычно выступают не медиатором (посредником) взаимодействий различных социальных групп на макроинституциональном поле, а активным участником этих отношений, причем обладающим значительными силовыми и административными ресурсами [31; 32]. Группы, удерживающие власть, всегда используют эту власть в собственных интересах. Властные элиты, заинтересованные в удержании власти в странах с неэффективными институтами, зачастую не соглашаются уступить эту власть и ведут как явную, так и скрытую борьбу с политической оппозицией и потенциальными группами влияния. Поэтому противодействие макроинституциональным аномалиям предполагает формирование коалиций, заинтере-

ресованных в изменении сложившегося компромисса интересов и комплекса поддерживающих их институтов.

Информационные методы включают повышение требований к предоставлению и раскрытию информации о различных институтах, что расширяет возможности их государственного и общественного контроля.

Превентивные методы направлены на устранение или снижение рисков возникновения институциональных аномалий на начальной стадии проектирования институтов или подготовки институциональных изменений. Хрестоматийным примером игнорирования превентивных методов является реформа академического сектора науки в РФ, начавшаяся в 2013 г. Во-первых, реформаторы проигнорировали роль стейкхолдеров, в частности, сил сопротивления: проект Федерального закона «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» был внесен на рассмотрение Государственной Думы РФ минуя стадию общественного обсуждения. В результате реформа подверглась обструкции со стороны научного сообщества и привела к формированию активных сил сопротивления, проведению митингов, пикетов, написанию открытых писем и т. д. Во-вторых, не были соблюдены принципы этапной и компонентной полноты институционального проекта: например, отсутствовало обоснование необходимости реформы и ее «цены», не были разработаны сценарии и прогнозы реформирования, не были заранее определены концепция и программа (дорожная карта) изменений, не были подготовлены альтернативные варианты проекта.

Возможности использования превентивных методов (в частности, метода транспарентности) убедительно иллюстрирует недавний опыт организации государственных закупок в Пекине. Все объявления о тендерах и заявки на участие собираются на портале в сети Интернет. Названия фирм регистрируются отдельно и не фиксируются в конкурсной документации. Компьютерная программа случайным методом выбирает экспертов из базы данных и направляет им приглашение для встречи в специальном офисе, не уточняя цели собрания. Прибыв в офис, эксперты проходят проверку службой безопасности и встречаются в комнате, оборудованной видеокамерами и системой глушения мобильной связи. Далее эксперты определяют оптимальное предложе-

ние, которое при этом не обязательно является самым дешевым [37, с. 228]. Такая система госзакупок обладает значительным потенциалом снижения коррупции, поскольку сочетает методы транспарентности и хаотичности (случайности выбора).

Процессные методы предполагают устранение аномалий по ходу их зарождения и возникновения в процессах институциональных реформ или функционирования институтов. *Компенсационные методы* связаны с ликвидацией сложившихся институциональных аномалий и патологий.

Выделяемые по объекту воздействия *универсальные методы* включают общие, типовые подходы к противодействию институциональным аномалиям, включая регулирование, дерегулирование, приватизацию, национализацию, рефункционализацию, реструктуризацию, упрощение (*simplification*) механизмов и процедур, учреждение контролирующих органов, расширение и делегирование функций, изменение сфер компетенции (ответственности) и др.

В свою очередь, *селективные методы* включают способы противодействия аномальным формам институционализации экономики с учетом отраслевых и территориальных особенностей.

Различные отрасли хозяйства (виды экономической деятельности) имеют выраженную специфику институциональной структуры и, как следствие, характеризуются специфическими аномалиями институтов. Так, в строительстве широкомасштабное использование коррупционных моделей (схем) транзакций является реакцией субъектов на явно избыточные транзакционные издержки, порождаемые сложными и многоэтапными административными процедурами. По данным опроса представителей строительных компаний, 75,8 % респондентов характеризуют уровень административных барьеров как «высокий» или «запредельно высокий» [10, с. 78]. Как показал анализ административных барьеров в жилищном строительстве, проведенный в 43 городах РФ, в среднем для реализации инвестиционного проекта строительства многоквартирного дома требуется прохождение 98 процедур, занимающее (в зависимости от различных вариантов) от 901 до 946 дней, что в 2,5 раза превышает количество процедур и в 3 раза сроки их прохождения по сравнению с условным «Нормативным городом» (моделью, в которой требуется прохождение только процедур, регламентированных федеральным законо-

дательством)¹. Таким образом, на примере строительной сферы становится очевидным наличие и отраслевой, и региональной специфики аномальной институционализации, что требует применения селективных методов регулирования. Следует учитывать, что любые «селективные меры требуют большей информированности и гораздо более рискованны. Кроме того, они в большей степени, чем многие из универсальных мер, стимулируют присвоение ренты» [20, с. 143] от результатов и эффектов институциональных изменений, что требует аналитической обоснованности конкретных форм их применения.

Административные методы включают комплекс способов прямого участия государства в регулировании и ликвидации институциональных аномалий. В. Тамбовцев считает, что административные методы характеризуются высокой оперативностью применения санкций и сравнительно низкими издержками реализации институциональных изменений, однако создают возможности коррупции и менее надежны в выборе объектов и объемов санкций [25, с. 309]. Ему вторит Р. Гринберг, убежденный в том, что как и «совершенный» рынок, идеальный и «научно обоснованный» государственный механизм — не более, чем научная абстракция [9, с. 27]. В этой связи, несмотря на широкое применение административных методов, они должны комплексно дополняться другими подходами.

Рыночные методы охватывают способы регулятивного воздействия на институциональные аномалии, связанные с изменением соотношения затрат и выгод поведения их агентов, направленные на усиление его экономической нецелесообразности.

Основным направлением применения рыночных методов является повышение денежных штрафов за аномальное поведение, хотя к ним также относятся формы материального стимулирования добросовестных действий (льготы по кредитам и арендной плате, внесение в реестры добросовестных партнеров, отмена плановых проверок для предпринимателей и т. д.). Однако в большей степени получил распространение подход Г. Беккера, считавшего, что «индивиды становятся преступниками из-за финансовой выгоды преступления в сравнении с легальными занятиями с учетом вероятности поимки и осуждения, а

также суровости наказания» [5, с. 692]. Эта неоклассическая точка зрения является доминирующей при выборе способов борьбы с разного рода аномальными моделями поведения. Вместе с тем, более перспективно понимать институты (в том числе аномальные) как комплексные социально-экономические факторы, результаты действия которых не могут быть адекватно оценены и измерены на основе сугубо рыночной логики, в терминах затрат, цен, выгод, доходов и т. д. Это важное, но не единственное и не главное измерение институтов [41, р. 155]. При этом капитализация социальных факторов — фундаментальный принцип теории социального капитала, что объективно предполагает применение рыночных методов в отношении институтов и их аномальных форм проявления.

Социальные методы противодействия аномальным институтам включают различные способы участия социальных групп.

В соответствии с теорией социального капитала, преобразование институтов, в том числе преодоление институциональных аномалий, в значительной степени зависит от демократичности и активности их связанных групп и сообществ. При этом стимулирование различных субъектов институциональных изменений к сотрудничеству, апеллирующего лишь к их частным интересам, недостаточно для позитивных изменений, особенно для изменения патологических состояний институциональной системы. Стейкхолдеры в большей степени должны быть объединены общими ценностями и сконцентрированы на развитии этих ценностей как основы нового институционального равновесия. Решение проблем преодоления институциональных аномалий в русле теории коллективного действия затрудняется превалированием рыночноориентированной парадигмы, утверждающей тезис о безусловной коммодитизации (превращении в товары) всех объектов и отношений во всех секторах и сферах человеческой деятельности. Представляется, что необходимы новые концептуальные подходы к регулированию аномальных институтов, которые не основаны исключительно на рыночном редукционизме, с позиций которого общество трактуется исключительно как свободный рынок корыстных транзакций.

Комбинированные методы включают различные формы сочетания административных, рыночных и социальных методов. Комбинированные методы воздействия на институциональные аномалии наиболее ак-

¹ Отчет о работе по теме: Мониторинг и оценка административных барьеров в жилищном строительстве. Этап 3. — М.: Институт экономики города, 2011. — С. 41–59.

туальны для сложных хозяйственных систем, особенно в случаях возникновения патологических состояний институтов. Это обусловлено необходимостью комплексных, многоаспектных, полисубъектных, многоцелевых регулятивных решений, например, в случае глубоко институционализированной коррупции. Коррупцию недопустимо рассматривать как однократное и обезличенное взаимодействие; скорее, она представляет собой комплекс сложных отношений, базирующихся на неявных, неофициальных и часто необязательных к исполнению соглашениях и взаимных ожиданиях, которые реализуются на основе сложившейся практики использования имеющихся институциональных аномалий. Антикоррупционные реформы обычно фокусируются на сокращении коррупционных возможностей, создавая дополнительные ограничения принятию госслужащими решений по их собственному усмотрению и повышая степень их ответственности. Должностные функции госслужащих часто не только создают возможности для извлечения административной ренты, но и предоставляют механизмы осуществления коррупционных действий с достаточно низкими трансакционными издержками для их субъектов. Поэтому противодействие коррупции в первую очередь должно быть направлено на ограничение возможностей и повышение рисков заключения коррупционных соглашений, а также препятствование нецелевому использованию государственных структур и механизмов для снижения соответствующих трансакционных издержек. В сферах потенциального возникновения конфликта интересов мониторинг и регулирование имеют особое значение. Конфликты интересов возникают особенно часто на основе долгосрочных экономических отношений, которые создают возможности заключения коррупционных отношений и институционализации коррупции. Регулирование должно ограничить возможности нецелевого использования государственных институтов [37, р. 223–224]. Проверка законопроектов на коррупциогенность и мониторинг теневых практик, связанных с коррупционными вариантами использования легальных механизмов, являются залогом успешных антикоррупционных реформ.

Борьба с коррупцией как системной институциональной патологией предполагает параллельное применение различных регулятивных подходов. Репрессивный подход связан с повышением санкций и вероятности обнаружения правонарушений. Данный подход апеллирует к

модели экономического поведения Г. Беккера: госслужащие рассматриваются как рациональные агенты, сравнивающие в ходе выбора коррупционной модели поведения связанные с ней шансы и риски. Несмотря на очевидную простоту и определенные достоинства, этот подход не является универсальным. Часто он создает и отрицательные эффекты, например, стимулирует госслужащих к принятию наиболее консервативных решений. В результате, в частности, российские институты развития в инновационной сфере (ОАО «РОСНАНО» и др.) в большей степени склонны инвестировать в уже действующие предприятия и проекты с минимальными рисками и быстрой коммерческой отдачей, что противоречит самой идее венчурных инвестиций. Кроме того, повышение санкций и рисков зачастую выражается в повышении цен на рынке коррупционных услуг, но не устраняет коррупцию как таковую. Субъекты предложения на коррупционном рынке изобретают новые, более изощренные схемы избегания наказаний и уклонения от рисков.

Превентивный подход к противодействию коррупции предполагает создание системы продуктивных стимулов для госслужащих и формирование морально-этических ценностей, разделяемых всеми членами государственного аппарата. В этой связи особая роль отводится этическому обучению госслужащих, которое пока что находится на самой ранней стадии развития. Этическое обучение позволит повысить транспарентность (открытость) государственных структур, создать атмосферу доверия и избежать конфликтов интересов. Вместе с тем, это направление борьбы с коррупцией может оказаться дорогостоящим и сложным для реализации на практике.

Но и создание стимулов к антикоррупционному поведению госслужащих представляет собой сложную задачу. Прежде всего, государственная служба не имеет аналога прибыли в коммерческом секторе, который можно было бы использовать в качестве критерия для поощрения и вознаграждения, поэтому административные структуры не могут рассматриваться как своеобразные центры прибыли. Кроме того, антикоррупционные стимулы действуют в большей степени в долгосрочном периоде, гарантируя стабильный доход и занятость в государственном секторе, тогда как коррупционные стимулы сконцентрированы в краткосрочном периоде и позволяют извлечь значительный дополнительный доход, поэтому реальную модель поведения госслужа-

щих спрогнозировать крайне затруднительно. Следует признать, что в реальности система стимулов может обеспечить лишь полезный вклад в борьбу с коррупцией, который дополняет другие методы, такие как внутренняя мотивация госслужащих, культивирование профессиональной этики и формирование антикоррупционных норм и культуры в обществе.

Комбинированный метод противодействия коррупции предполагает повышение рискованности и ненадежности коррупционных действий, стимулирование доноительства среди участников коррупционных отношений, снижение коррупциогенности законов и механизмов их применения, урегулирование конфликтов интересов, повышение прозрачности и сочетание других необходимых мер.

В контексте применения комбинированных методов противодействия институциональным аномалиям следует учитывать, что формальных или неформальных институтов «в чистом виде» не существует, в реальности они всегда представляют собой «сплавы» формальных и неформальных ограничений [14, с. 81]. Как отмечает Ф. Кливе, институты возникают и формируются как своеобразные «смеси» социально укорененных (т. е. базирующихся на

неформальных практиках, нормах, ценностях) и бюрократических (основывающихся на формализованных принципах, правилах и механизмах) компонентов. Он считает, что такие неоднородные институциональные комплексы создаются на основе проб и ошибок, пошаговой (и не всегда имеющей оптимизационный характер) итерации — приближения к желаемому состоянию — в ходе многочисленных коллективных взаимодействий. Ф. Кливе использует для их обозначения термин «*bricolage*» [34; 35], который В. Тамбовцев определяет как «комбинирование доступных ресурсов (*bricolage*)» [26, с. 147]. Другими словами, институциональный *bricolage* означает создание институтов путем многочисленных импровизаций и адаптации различных образцов, что в результате закладывает в любой институт разнообразные противоречия и потенциал аномального развития.

Поэтому гетерогенность (неоднородность) институтов проявляется не только в плане их структурной сложности, но и в эволюционном аспекте, как результат наложения разных версий одного и того же института друг на друга, что неизбежно создает импульс аномальной институционализации, требуя применения комбинированных методов противодействия.

Список источников

1. Анतिकоррупционная экспертиза закона «О полиции» с приложением [Электронный ресурс]. URL: http://www.transparency.org.ru/component/docman/doc_download/543---q-q-.
2. Балацкий Е. В. Синдром аритмии реформ в системе высшего образования // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2014. — № 4. — С. 111–140.
3. Балацкий Е. Институциональные конфликты в сфере высшего образования // Свободная мысль — XXI. — 2005. — № 11. — С. 23–38.
4. Балацкий Е. В. Истощение академической ренты // Мир России. — 2014. — Т. 23. — № 3. — С. 150–174.
5. Беккер Г. С. Экономический взгляд на жизнь // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. / сопред. научно-ред. совета Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. — Т. V: в 2 кн. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов / отв. ред. Г. Г. Фетисов. — Кн. 1. — М.: Мысль, 2004. — С. 688–706.
6. Борьба с коррупцией в сфере государственных услуг: Хроника реформ в Грузии. — Всемирный банк, 2012. — 108 с.
7. Горланов Г. В. Институт лоббизма как инструмент взаимодействия предпринимательских и властных структур и его коррупционная составляющая // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. — 2014. — № 3. — С. 38–49.
8. Греф Г. О. Развитие и перспективы структурных институциональных реформ в российской экономике: автореф. дис. ... канд. экон. наук по спец. 08.00.01. — М., 2011. — 30 с.
9. Гринберг Р. С. Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы // Вестник Института экономики РАН. — 2015. — № 1. — С. 10–29.
10. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации / Федеральная антимонопольная служба. — М., 2013. — 400 с.
11. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. — М.: Весь мир, 2013. — 216 с.
12. Капелюшников Р. И. Поведенческая экономика и новый патернализм: препринт WP3/2013/03. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 76 с.
13. Карпушкина А. В. Социально ответственное поведение бизнеса как деформализация института социального партнерства // Экономические науки. — 2009. — № 9. — С. 155–158.
14. Кирдина С. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. — 2013. — № 10. — С. 66–89.

15. Коновалов А. А. Реструктуризация институтов промышленного развития регионов в условиях экономического кризиса: инновационный аспект // Экономика региона. — 2009. — № 3. — С. 203–205.
16. Контрактная система закупок в российской экономике: перспективы и ограничения развития: научный доклад / рук. авт. колл. И.И. Смотрицкая. — М.: ИЭ РАН, 2014. — 64 с.
17. Курбатова М. В. Деформализация правил в современной российской экономике (на примере взаимодействия власти и бизнеса) // TERRA ECONOMICUS (Экономический вестник Ростовского гос. ун-та). — 2010. — Т. 8. — № 1. — С. 27–50.
18. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 256 с.
19. Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. — М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. — 165 с.
20. Полтерович В. М., Попов В. В. Стимулирование роста и стадии развития // Модернизация экономики и выращивание институтов: в 2 кн. — Кн. 1 / отв. ред. Е. Г. Ясин. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. — С. 137–149.
21. Полтерович В. М. Элементы теории реформ. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. — 447 с.
22. Радаев В. В. Баланс принуждения и доверия в процессе легализации российского бизнеса // Модернизация экономики и выращивание институтов: в 2 кн. — Кн. 1 / отв. ред. Е. Г. Ясин. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. — С. 359–369.
23. Радаев В. В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике : препринт: WP1/2001/01. — М.: ГУ-ВШЭ, 2001. — 42 с.
24. Радаев В. В. Деформализация правил и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // Вопросы экономики. — 2001. — № 6. — С. 60–79.
25. Тамбовцев В. Л. Траектории институциональных изменений: теория и российские реалии // Модернизация экономики и выращивание институтов: в 2 кн. — Кн. 1 / отв. ред. Е. Г. Ясин. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. — С. 300–310.
26. Тамбовцев В. Институциональные изменения: к проблеме микрооснований теории // Общественные науки и современность. — 2012. — № 5. — С. 140–150.
27. Фролов Д., Черных В. Рефункционализация как механизм изменения институциональной структуры фирмы // Проблемы теории и практики управления. — 2008. — № 5. — С. 21–26.
28. Фролов Д. П. Имеют ли институты значение для пространственной экономики? // Пространственная экономика. — 2015. — № 1. — С. 14–37.
29. Яковлев А. А. Корпоративное управление и реструктуризация предприятий в России: формальные институты и неформальные интересы собственников // Экономический журнал ВШЭ. — 2003. — № 2. — С. 221–230.
30. Ясин Е. Г. Основные уроки из опыта российских реформ // Модернизация экономики и выращивание институтов: в 2 кн. — Кн. 1 / отв. ред. Е. Г. Ясин. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. — С. 95–101.
31. Acemoglu D., Robinson J. A Theory of Political Transitions // American Economic Review. — 2001. — Vol. 91. — P. 938–963.
32. Acemoglu D., Robinson J. Economic Origins of Dictatorship and Democracy. — Cambridge: Cambridge University Press, 2009. — 434 p.
33. Bad Language: The Use and Abuse of Official Language. First Report of Session 2009–10 / House of Commons. Public Administration Select Committee. — London, 2009. — 52 p.
34. Cleaver F. Reinventing Institutions: Bricolage and the Social Embeddedness of Natural Resource Management // The European Journal of Development Research. — 2002. — Vol. 14. — No. 2. — P. 11–30.
35. Cleaver F. Development Through Bricolage: Rethinking Institutions for Natural Resource Management. — Abingdon, Oxon: Routledge, 2012. — 219 p.
36. Corruption Perceptions Index 2014: Results [Official website]. URL: <http://www.transparency.org/cpi2014/results>.
37. Lambsdorff J. G. The Institutional Economics of Corruption and Reform: Theory, Evidence and Policy. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — 304 p.
38. Pritchett L. The Folk and the Formula: Fact and Fiction in Development. WIDER Annual Lecture № 16. — Helsinki, UNU-WIDER, 2012. — 40 p.
39. Richards D., Smith M., Hay C. (eds.) Conclusion: Apres le Deluge? Crisis, Continuity and Change in UK Institutions // Institutional Crisis in 21st Century Britain. — Palgrave Macmillan, 2014. — P. 256–278.
40. Roland G. Understanding institutional change: fast-moving and slow-moving institutions // Studies in Comparative International Development. — 2004. — Vol. 38. — No. 4. — P. 109–131.
41. Six B., Zimmeren van E., Popa F., Frison C. Trust and social capital in the design and evolution of institutions for collective action // International Journal of the Commons. — 2015. Vol. 9. — No 1. — P. 151–176.
42. Sustainable Public Procurement: A Global Review. Final Report. UNER, 2013. — 78 p.